

Тодоровский П.

20/5 88

НА ВСТРЕЧУ

XIX
Всесоюзной
партийной
конференции

С НЕТЕРПЕНИЕМ жду я XIX партийной конференции. Партийного форума такого ранга не было уже много лет. Ясно, что на предстоящей партконференции будет решаться дальнейшая судьба перестройки. Возврата к старому быть не может, демократия должна получить надежные правовые гарантии. Демократия не может оставаться зависимой от настроения, желания немногих лиц, она должна осуществляться автоматически, в законодательном порядке.

Главный вопрос, который надо решить на партийной конференции, — это демократизация партийного, руководящего аппарата. Пока гласность касается только нас, низов, так сказать. А гласность должна осуществляться и в верхах. Я полностью солидарен с предложением А. Гельмана, которое он выдвинул на открытом партийном собрании Союза кинематографистов («Советская культура», 9 апреля 1988 года). Все выступления на партийных Пленумах должны публиковаться полностью, без каких бы то ни было изъятий. Мы должны знать все, что происходит и в ЦК, и в Политбюро. Кратких сообщений недостаточно.

милиционер, строго сказал, что вход сюда только по спецпропускам. Какие же тайны, какие государственные секреты они охраняли? Сейчас, когда многое открылось, стало ясно, что единственной «тайной» была полная некомпетентность руководства. Работа в Одесской области была полностью развалена. Так же, как и в Молдавии, Узбекистане, Ростове-на-Дону и в других местах, о чем я еще не очень хорошо знаю. А ведь эти «деятели» обо всем судили, на все накладывали свои резолюции. Знали, и как снимать кино, и как растить пшеницу, и что ставить в театре, и какие строить корабли... Вывод из этого только один: гласность должна быть одинаковой для всех, снизу доверху. И огромную роль в этом играет пресса, печать. Уже стало аксиомой, что без свободы печати не может быть и хорошей, эффективной экономики.

Иногда очень даже нелишне вспомнить прошлое. Наоборот, преступно его забывать. Вспомним хотя бы те круги ада, иначе не назовешь, те мытарства, которые должен был пройти обычный, элементарный киносценарий, прежде чем его можно было запустить в работу.

Сначала сценарий читал и правил редактор, потом — сценарно-редакционная коллегия, директор студии, куратор-редактор Госкино Украины, заместитель председателя Госкино Украины, художественный совет Госкино Украины. Затем, в лучшем случае, сценарий попадал в Москву, и тогда все начиналось сначала: куратор-редактор Госкино СССР по УССР, художсовет и, наконец, главный редактор Госкино СССР. Все эти люди делали свои поправки, на каждом из этих этапов сценарий мог быть отправлен на доработку или во-

группы страдали от этих техников, оптики у них вечно мутная, аппараты грязные. Все хотели иметь дело только с тем, добросовестным.

Но как-то его жена не выдержала такой жизни, начала «пилить» мужа. Стал и он халтурить. После этого нельзя было найти на студии ни одного чистого стекла. Хотя все съемки прекращай. Вот такая житейская история, и в ней глубокий смысл.

С горечью вспоминается лозунг эпохи Л. И. Брежнева «Все во имя человека, все для блага человека». Ведь в действительности делалось прямо-таки противоположное. И многие это понимали, все это понимали, а сделать ничего было нельзя. Ни в газете выступить, ни фильм снять. Каким же образом человек, запершись у себя в кабинете, мог знать — что для блага народа надо? Не знали и не хотели знать, хотели только руководить, получать эти самые блага за чужой счет. От эпохи застоя досталось нам печальное, страшное наследие. Налицо девальвация нравственных ценностей, потеря веры в наши идеалы, уход в иные, ложные веры. Молодежь уходит в панки, в рок, в наркоманию, в проституцию... Мой новый фильм как раз об этой части молодежи, потерянной для общества, для нормального, честного труда.

Как-то в журнале было опубликовано интервью, в котором я сказал, что готовлюсь снимать фильм о проститутках. И вот со всей страны стали приходить письма. Поражает не количество писем, а их география. Считалось, что проституция — болезнь больших городов, портов, но она процветает и в районных центрах, и в таких городах, о которых и не подумаешь, что там существует эта проблема. Пример

встречаться с мальчишками — стала встречаться с мужичками; нельзя пить — стала возвращаться домой навеселе. А потом и совсем ушла из дома. Стала работать, выбрала себе очень тяжелую специальность, а оклад-то всего 80 рублей. Только на косметику уходило 50. Вышла замуж, но мужу, как оказалось, нужна была не жена, а прислуга и посудомойка. Тогда сняла Надя с подругами роскошную квартиру и стала принимать там «гостей».

Все «путанки» хотят уехать за границу. Нашла и Надя себе какого-то француза. Жили в Париже. Потом развод, хотела зарабатывать ирежимным способом, но там у проституток свой профсоюз, вступить в него не просто. Тогда поехала Надя автостопом по Европе, вернулась домой... Конца у этой истории нет. История рождения падшей женщины нашего времени еще не написана, она, наверное, еще и не прожита, еще не пережита, как пережита была сто лет назад история Катюши Масловой Львом Толстым в романе «Воскресение».

Зачем я все это рассказал? В Надиной судьбе — наша прошлая, проклятая жизнь. Это гнойник нашей сегодняшней жизни, который надо вскрыть, чтобы очистить организм, чтобы он не заразился весь. Ложь в семье, ложь в обществе. Невозможность честным трудом заработать на жизнь, а не только на хлеб. Ведь вопрос реализации личности в обществе — главный вопрос.

Надо сделать так, чтобы за границу мог поехать любой человек, и для того, чтобы посмотреть на Нотрдам де Пари, не нужно было вступать в фиктивный брак с иностранцем. Многие, много хотелось бы изменить. Но, чтобы менять,

Народный артист РСФСР
Петр Ефимович Тодоровский — один из ведущих кинорежиссеров страны. Зритель хорошо знает его фильмы «Фокусник», «Верность», «Городской романс», «Последняя жертва», «Любимая женщина механика Гаврилова». С большим успехом по киноэкранам наших городов и сел прошел фильм, снятый к 40-летию Победы, — «Военно-полевой роман», а недавно Центральное телевидение показало картину «По главной улице с оркестром». Сейчас режиссер приступил к съемкам ленты с условным названием «Фрекен Ганька». «Литературная Россия» попросила Петра Тодоровского высказаться о тех проблемах сегодняшней жизни, которые волнуют его как художника и гражданина.

Петр ТОДОРОВСКИЙ

ДОВОЛЬНО ЛГАТЬ САМИМ СЕБЕ

Ничего не должно готовиться втайне. Мы хотим участвовать в обсуждении решений, постановлений партии до их утверждения.

Как было прежде? Руководство спускало народу приказы, указывало, что и как надо делать, а народ потом отчитывался перед ним. А должно быть все наоборот. Руководству надо соотносить свою деятельность с волей народа, а потом отчитываться перед ним, что сделано для всеобщего блага.

Необходимо, чтобы это руководство было компетентным. А что получалось некогда? Люди, весьма далекие от искусства, могли спокойно закрыть фильм: они ведь имели на это право. И вот в результате на киностудиях почти 90 фильмов лежало без движения, пылилось на полках. А какие это были картины! Взять хотя бы «Историю Аси Клячиной...» А. Михалкова-Кончаловского — фильм вышел только в прошлом году, пролежав двадцать лет. И сразу же на Всесоюзном фестивале в Баку получил Гран-при. Вот какой фильм! Мало того, что на полках лежали народные деньги, миллионы рублей, но ведь фильм — это и человеческие судьбы, это и точка зрения, позиция целого творческого коллектива. И один человек мог свести на нет все их усилия. Такими «запретителями» были Сурин, Сизов, Павленок, многие другие руководители, пришедшие в кино из сельского хозяйства, профсоюзных и т. д. и которых, к счастью, уже нет на этих должностях.

Я много лет работал на Одесской киностудии, был секретарем партийной организации Одесского отделения Союза кинематографистов Украины. Приходилось бывать в райкомах и в обкоме. Первым секретарем Одесского обкома был тов. Сирица, и руководил он пятнадцать лет. В его руках была сосредоточена неограниченная власть на территории, равной приличному европейскому государству. У этого руководителя был один принцип: не позволять себе улыбаться при подчиненных. Он всех вокруг себя держал в страхе. Вот такая была его «идеологическая» платформа...

Однажды я был в обкоме по делам и свернул не в тот коридор, направился не в то крыло здания. Так меня остановил

се «завернуть». Можно себе представить, какой рукопись возвращалась после этих адских кругов к режиссеру! Ее нельзя было узнать, ее тяжело было читать.

То, что происходит сейчас, похоже на чудо. Мы, творческие работники объединения «Слово» киностудии «Мосфильм», между собой, сами решаем, запустить сценарий в работу или нет. И никто не вправе нам помешать, вмешаться в наши внутренние дела. Трудно поверить в это после всего пережитого. Но это так на самом деле.

Еще что необходимо радикально совершенствовать, так это выборную систему. Это мое личное мнение, мой личный наказ партийной конференции. Мы должны выбирать. А из кого выбирать? В большинстве случаев — из одного человека, причём которого никто не знает. Выборы должны быть организованы широко, гласно. За каждого кандидата надо голосовать не руками, а умом и сердцем. Необходимо, чтобы были назначены оппоненты, каждый кандидат обязан выступить со своей платформой, рассказать о том, как он планирует организовать свою работу. Выборы обесценились, люди не знают, за кого они голосуют, и им безразлично это, потому что реального участия в выборах, уверенности, что от твоего голоса что-то зависит, нет.

Необходимо восстановить еще один важный принцип социальной справедливости. Человек должен иметь возможность получить за свой труд столько, сколько он может заработать. Нельзя всех превращать в нищих. Деньги в кармане — один из важных элементов свободы. Нельзя всем платить поровну — это поощрение воровства, незаконного предпринимательства, спекуляции. Надо создать условия, чтобы человек добросовестным трудом мог хорошо обеспечить семью. Вот пример. На Одесской киностудии много лет работал техник по оптике. Это был добросовестный, усердный, кропотливый работник. С утра до вечера он протирал объективы ваткой, смоченной в спирте, каждое стеклышко у него блестело. И за все про все получал он 120 рублей. А его коллеги, такие же техники, халтурили, брали левую работу и получали за это тысячи. У каждого была дача, машина. Все съемочные

тому — письмо из Усть-Каменогорска. Девочка 16 лет присылает свою фотографию, где она совершенно обнажена, предлагает себя на роль, пишет, что хорошо знает эту жизнь, предлагает в конце концов себя как женщина. Она готова на все, лишь бы ее заметили, лишь бы как-то изменить свою жизнь, скучную и однообразную, как она пишет.

И таких писем немало. И все это пишут девочки, которые росли в советских семьях, учились в советских десятилетках, читали советские книги. Это не тяжкое наследие и даже не тлетворное влияние чего-то враждебного, кого-то постороннего. Это наши проститутки, отечественные. А мы открыли для себя этот социальный порок и не нашли лучшего выхода, как тут же натравить на них милицию, издать новые уголовные статьи закона. Сначала надо бы разобраться в причинах этого явления, выявить его корни. Сначала надо бы научиться быть милосердным, ведь к этому призвали Достоевский, Куприн, Золя, когда писали о проститутках, когда привлекали общественное внимание к этому социальному злу.

Каждое утро я прихожу на работу, и в приемной или даже у дверей киностудии меня уже ждут молодые симпатичные девушки. Это бывшие так называемые «путанки». Они приходят рассказать о себе, чтобы будущий фильм был правдив. Я часами беседую с ними, у них есть огромная потребность исповедоваться. Сколько в этих рассказах жизненного материала, знания жизни, ее теневой, закулисной стороны! Все они, как правило, начинают вести распутный образ жизни как своеобразный протест, бунт против атмосферы лжи и фальши, которая их окружала, в которой они росли. А потом уже начинается расслоение, потом уже судьбы расходятся.

Вот хотя бы одна из них, условно назовем ее Надей. Она из приличной, благополучной семьи, отец — преподаватель политэкономии. Он приходил домой и смеялся над своими же собственными лекциями, над своими же рассуждениями о стоимости при социализме. Лицемерие в семье было привычным делом. Надя стала все делать наоборот, назло. Нельзя краситься — она стала краситься; нельзя

преобразовывать, необходимо глубоко и всесторонне знать, изучать жизнь. Вот когда мы узнаем нашу собственную жизнь такой, какая она есть, тогда и сможем ее переделывать. Тогда осуществится действительно хороший лозунг: «Все во имя человека, все для блага человека».

А сидя в кабинетах, ничего не зная о реальной жизни, верного решения принять нельзя, нельзя и помочь. Устранить все несправедливости, противоречия, нелепости, несуразности, накопившиеся в нашем обществе, — вот это и будет реальный вклад в перестройку. На партийной конференции должны решаться реальные проблемы, которые у всех перед глазами.

В моем фильме «Верность» молодежь 1919 года давала клятву быть верной делу революции. Какие слова они произносили тогда! Но их потомки предали эту клятву, и нам предстоит сочинить новую клятву и уже не отступать от нее.

Повернемся лицом к жизни, довольно лгать самим себе — вот что хотелось бы мне сказать противникам перестройки, привыкшим жить на чужой счет, привыкшим, чтобы перед ними все склонялось в страхе.

Надо, чтобы великий талантливый советский народ хорошо жил. Народ, победивший, выстоявший в такой жестокой войне, заслужил это. Надоели очереди, мы досыта настоялись в очередях, надоели плохие, недоброкачественные продукты, от которых развиваются болезни, гастриты и язвы, надоели несъедобные обеды в столовых. Хорошо платить за хорошую работу — это элементарное правило. Развязать, поощрять любые творческие инициативы, следить за тем, чтобы к ним не примазывались лжесоавторы.

Хорошо было бы, если бы хоть на тысячную долю то, о чем пишут в печати, воплотилось в жизнь. На предприятиях, в колхозах, совхозах.

Надо говорить правду. И это должен быть постоянный, непреходящий процесс. Пусть XIX партийная конференция поставит на пути демократизации общества новые вехи, указывающие путь. Пусть этот долгий и трудный. Хотелось бы верить, что внуки доживут до общества, в котором воплотились бы идеалы демократии, идеалы социализма.